ПОЭТОГРАД

№ 32 (47)
Ноябрь
2012

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Александр Карпенко о поэзии Любови Красавиной

Элегии Владимира Алейникова

Жители Поэтограда

Письма Евгению Степанову

Александр Блок и его «Незнакомка»

Пьедестал Поэтограда

НОВОСТИ ПОЭТОГРАДА

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТАМБОВ» НА КАРТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ

1 ноября в Музейно-выставочном Центре Тамбовской области состоялась презентация литературно-краеведческого издания «Литературный Тамбов».

«Литературный Тамбов» для многих жителей области, особенно деятелей искусства, писателей, краеведов — эпохальное, авторитетное, но утерянное издание. Первые номера альманаха вышли в 50-60-е годы прошлого века под редакторством писателя Н. Е. Вирты, затем в 1989 году благодаря инициативе журналиста «Тамбовской правды» И. И. Овсянникова издание вновь вернулось к тамбовским читателям и просуществовало до 1992 года. Сегодня, спустя двадцать лет, издание возвращается к читателям. Специально для этих целей создана одноименная некоммерческая организация, которая участвовала в конкурсе социально ориентированных проектов администрации Тамбовской области и стала одним из получателей субсидии.

В первом номере нового «Литературного Тамбова» идет обсуждение наиболее актуальных вопросов литературы, истории, философии, опубликованы малоизвестные тамбовские авторы, работы краеведов. Помимо стихов и прозы, на страницах издания идет речь о судьбе кинотеатра «Модерн», рассказывается о новых театральных постановках, об истории создания памятника тамбовскому крестьянину, гуманизме В. И. Вернадского, а также публикуется первая часть уникальных воспоминаний очевидца «антоновского восстания», крестьянина из села Б. Ржакса Ивана Макеева. Также первый номер сообщает о начале отбора прозаических работ для издания сборника рассказов «Русская душа» — в память русского писателя Вячеслава Дегтева, книга планируется к выходу в следующем году.

Тираж «Литературного Тамбова» превышает тысячу экземпляров. Он поступит в областные библиотеки, учебные заведения, другие культурные учреждения города, области и страны. Планируется создание специальных точек распространения альманаха.

По материалам сайта 68news.ru

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

ПОРТРЕТИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ

В клубе Zavtra прошел вечер поэта, художника и кинорежиссера Татьяны Данильянц, посвященный выходу ее новой книги «Красный шум» (М.: ОГИ). Вечер открыл Юрий Цветков, рассказавший о знакомстве с Татьяной шесть лет назад, когда, также в ОГИ, вышла ее книга «Белое». В какой-то момент в руках у Цветкова оказались оба сборника, и тогда стало понятно, что даже на уровне оформления они тесно взаимодействуют между собой. Именно своеобразной «интервенцией красного» отмечены практически все новые стихи Данильянц. Объясняя заглавие книги, она пишет в предисловии: «Красный шум — это пребывание на “середине мира”, в его эпицентре, в его зонах опасности, когда страховка минимальна, а риск угрожающ».

В сборник вошли стихотворения, написанные за достаточно большой период времени. Поэтому Татьяна Данильянц читала, то обращаясь к недавнему прошлому, подытоживая его, то возвращаясь к своему сегодняшнему ощущению мира.

В книге много дорогих для поэта людей. На вечере звучали стихи-эпитафии ушедшим друзьям — Анне Альчук, Олегу Киреееву, Полу Хлебникову. Отдельный цикл составили посвящения Сэмюэлю Барберу, Клоду Левеку и людям, обозначенным лишь именами или инициалами.

Чтение Данильянц определенно задело гостей за живое. Поэтому в конце вечера последовало много вопросов. Собравшиеся спрашивали о творчестве, о любимых поэтах Серебряного века и даже о том, в чем главная беда России.

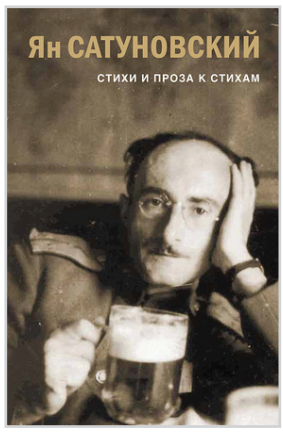
Евгений ТАРАН

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Михаил Николаев «Пятая масть» М.: Вест-Консалтинг, 2013



Ян Сатуновский «Стихи и проза к стихам» М.: Виртуальная галерея, 2012

Юлия Пономаренко «В ожидании ЛУКИ» М.: Вест-Консалтинг, 2012

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

ПЕРФЕКЦИОНИЗМ И ЕГО ТОТАЛЬНОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ В ЛИРИКЕ ЛЮБОВИ КРАСАВИНОЙ

Когда слышишь «Любовь Красавина», первая мысль — что слово «Красавина» здесь уже лишнее: любовь не может быть некрасивой. И — сразу же предположение: «Псевдоним, наверное». Слишком красивое имя для поэта! Хотя «Цветаева» тоже звучит ничуть не хуже — светающий цвет. У поэтов бывают имена, которыми изначально все сказано. «Говорящие» имена. Стихи можно уже и не показывать…

Мне попалась новая книга стихов Любови Красавиной «Хроническая верность», которую я тут же переиначил в «хроническую ревность». Книга «Хроническая верность» вышла в поэтической серии «Библиотека журнала Дети Ра». (РАзума? РАдости? РАя?). Правильно ответил на эти «проклятые» вопросы пролетарский писатель Максим Горький (Безумный Макс!). Он написал пьесу, которая называлась «Дети Солнца».

Как и в любом приличном сборнике, в книге Любови Красавиной много «всякой всячины», но особенно меня порадовала не рифмованная лирика, тяготеющая по стилистике к Марине Цветаевой. Меня изрядно удивили мелодические верлибры, которых сейчас практически никто не пишет, — на ум приходит разве что Андрей Коровин.

МИКРОБЛОГ: 166 СИМВОЛОВ ЛЮБОВЬ КРАСАВИНА

Чувствую себя человеком, на которого падает небоскреб Твоего непонимания и беда не в том, что меня больше нет, а в том, что незачем жить, если нет возможности любить.

Вы, вероятно, любили бы меня, если бы умели. Современные неандертальцы даже не представляют, где у них сердце — этой целины на всех хватит, НО я не умею делиться…

Люди, как реки, мельчают на глазах, когда кажется, что они достойны лучшего отношения к ним, почти сходу убеждаешься, что и худшие ожидания оказались завышенными.

Чем удержать чувства и чувственность? Революционно перезагружая возможной ревностью и невозможными требованиями? Жить под дамокловым мечом обратного эффекта…

http://blogs.mail.ru/mail/krasavinalubov/

И еще: «Любовь не проходит — проходят люди, не захотевшие быть достойными любви». Какой величественный сплав метафизики любви и ее диалектики! Хотя по поводу «не захотевших» можно и поспорить. Может быть, хотели, да не смогли. Прежде всего, в глазах партнера-перфекциониста, который сперва «придумал» любимого человека, а потом сам же его и опустил. Поэтому среди «прошедших» порой так много фантомов.

Ритмизованная, выверенная до слова, до буковки поэтическая проза — открытие французских символистов. Бодлер, Рембо, Малларме, Лотреамон всячески пытались стереть грани между поэзией и прозой. Но самая, на мой взгляд, убедительная попытка повенчать эти два популярных литературных жанра принадлежит перу их современника Пьера Луиса, который достиг в «Песнях Билитис» небывалой чистоты «сращения» двух жанров. Любовь Красавина, с одной стороны, следует изысканиям французских символистов, а с другой — велениям времени, заключив свою стихопрозу в форму интернет-блога, ограниченного определенным количеством символов. И это сейчас ново, актуально и небезынтересно.

Александр КАРПЕНКО

ЗА ЧТО ЛЮБЯТ ПОЭТОВ

Конечно, Маяковский лукавил, заявляя: «Я поэт. Этим и интересен». Я думаю, что еще он был интересен как мужчина — своей крепкой статью, высоким ростом, любовными похождениями, славой отменного любовника. А еще он был интересен как чтец. А еще — как актер. И — как мастер эпатажа (вспомним знаменитую историю с Овсянико-Куликовским). Так что «в загашнике» у поэта имелись не только стихи.

В этом отношении некрасивые, низкорослые поэты, поэты с плохой дикцией вынуждены компенсировать свое имиджевое отставание от более одаренных природой товарищей другими достоинствами. Например, качеством стихов и собственным вниманием к барышням (стихи в альбом), как Пушкин; героикой, романтикой, организаторскими способностями, настойчивостью, как Гумилёв — и прочими «своеобразиями».

Так что поэтов, даже самых слабых, всегда есть за что любить. Поэты ведь всегда нуждаются в любви, может быть, даже больше, чем другие люди. Но эти «дополнения» к стихам подчас не видны на расстоянии — и мы тогда недоумеваем, почему тот или иной поэт пользуется успехом у публики. Подобный успех кажется нам оскорбительным по отношению к более сильным, на наш взгляд, стихотворцам. И мы цитируем Пастернака: «Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех». Однако любая известность, популярность чем-то да вызвана. Пусть даже это будут скрытые, не видимые нам достоинства, зачастую не имеющие никакого отношения к поэзии. Ибо жизнь — всегда многоборье. Известными становятся только наиболее разносторонние, комплексно одаренные люди.

Вообще, конечно, по отношению к любви вопрос «за что» странен. Это Муму немым собачьим укором вопрошала Герасима: «За что??» Любят же обычно, не за что-то, а просто так. Конечно, если речь идет о любви к человеку, а не к поэту. Марина Цветаева как-то популярно объяснила, за что следует любить человеков и поэтов: «Послушайте! Еще меня любите… за то, что я умру». Наверное, эти цветаевские строчки — одна из эмоциональных вершин русской поэзии. А еще поэтов любят за схимничество и скоморошество — в одном флаконе, за свободу быть верным самому себе — в слове… Да мало ли за что! Поэт — это воплощенное наитие и тихое, невидимое, не объявленное миру священнодействие. Поэт сам устанавливает над собой законы, которым он следует, повинуясь воле Слова, и никому не позволяет указывать, как ему писать. И в этом есть данность, непреложность, судьбинность. В этом есть священный произвол, заточенный в немыслимо четкую форму. Вдохновение поэта бывает так велико, что его импровизации достигают уровня высшей продуманности. Это можно обнаружить по минимальному количеству исправлений в тексте только что написанного стихотворения. Кто ему диктует эти строки? Слово, которое — Бог. Бог, который — Слово.

Александр КАРПЕНКО

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ и ПРОЗЫ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ПИСЬМА ЕВГЕНИЮ СТЕПАНОВУ

ОЧЕНЬ ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Привет, Евгений!

Наконец добралась до твоего романа «Секс в маленьком московском офисе». Прочла на одном дыхании. Очень грустная история.

Так как веет автобиографичностью и искренностью, смею предположить, ты написал это о себе. У меня двоякое отношение к тому, нужно ли в произведениях, да и в жизни, быть таким открытым.

С одной стороны, это дает козыри всяким недоброжелателям. Они при случае могут вспомнить неблаговидный факт из биографии или неудобное высказывание из дневников (а твой роман и получился вырванным из дневника куском) и использовать против тебя, когда ты захочешь стать еще каким-нибудь президентом.

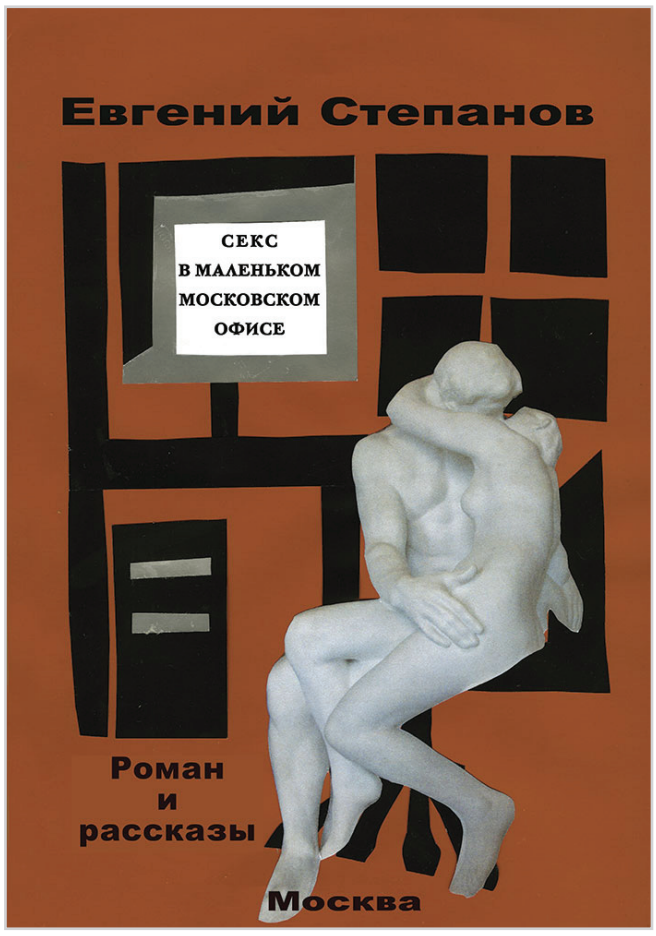
Я всегда считала, что проще раздеться для «Плейбоя», чем обнажить свою душу. А ты открываешь читателю в своей душе такие уголки, что весь остаешься почти без тайн: и беззащитным, и любящим, и подлым, и доверчивым. Очень разным! А в результате каким-то слишком настоящим. Просматриваешься весь, как на ладошке. Представила, насколько тяжело было читать этот роман твоим близким.

С другой стороны, самое подкупающее для меня в жизни и в произведениях искусства — именно эта искренность, которая, будучи мастерски поданной, воздействует на эмоции. Так вот, затронуть чувства этим романом у тебя получилось.

Откровенно говоря, у тебя вышло произведение о том, как не нужно строить отношения «мужчина-женщина». И герой, и его девушка пытаются что-то друг другу доказать, но никто из них не любит. Лично мне не жалко, что они расстаются.

Мне не понравились в романе ненужные офисные подробности, затянутые описания интриг девушки, когда она пытается бороться за превосходство над мужчинами. Это два параллельных мира, и так как женщины не хуже, а мужчины не лучше, априори здесь не может быть никаких побед. Мне кажется, девочка, влюбленная и любящая, должна была создавать в жизни героя и в том же офисе некую гармонию, а не сеять склоки, передавать сплетни и т. д. Я все недоумевала: простите, а кого здесь вообще любят? Или даже хотят?

Несколько слов хочется сказать о заглавии. Задумалась, почему не «Любовь в маленьком московском офисе», а «Секс…»? Все непросто и с исправлением на «Секс…» красивого и претенциозного старого названия «Лю…».



А ответ, Женя, нашла в вечной книге: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Поэтому твое произведение получилось не про правильную любовь.

И поэтому новое заглавие с кликабельным словом «секс»— не только грамотный маркетинговый ход, а что-то свыше.

При всем этом в романе можно накопать много умных мыслей. Точные и емкие короткие фразы хочется растащить на цитаты…

Думаю, что это произведение когда-то просто выполнило психотерапевтическую функцию. То, что ты описываешь — не любовь. Налицо все признаки зависимости. Определить все очень просто. Любовь делает людей счастливыми, аддикция — несчастными.

Женя, тебе бы тогда к специалисту обратиться или прочесть книжки Ялома, а ты выкарабкивался сам. Хотя такие самостоятельные попытки борьбы с собой закаляют, увы, нет гарантии, что не заболеешь любовью опять. Но ты ведь уже знаешь верное лекарство?

«Секс в маленьком московском офисе» — это вам не «Страдания юного Вертера», после которого началась волна самоубийств обезумевших влюбленных.

Обожаю искусство ради искусства. Но прагматизм мне тоже присущ. Я за то, чтобы литература «работала», направляя жизнь читателя в нужное русло. Мне кажется, твой роман — в каком-то роде рецепт тем творческим людям, которые чувствуют тоньше других и в случае влюбленности готовы умереть от обуревающих их чувств.

Ты, Женя, как будто говоришь им: «Не надо тонуть в любовных зависимостях, сходить с ума, приставлять к виску пистолет, искать веревку и мыло. Ну-ка вместо страданий займитесь делом. Сублимируйте свои “траблы” в творчество. Садитесь и пишите, как когда-то делал я!».

Ха, почему бы и нет? В этом есть свой резон. Одним сумасшедшим или мертвым будет меньше, одним стихотворением или романом — больше! Вот так Степанов своим «Сексом в маленьком московском офисе» трудится на благо творчества.

Не смогла обойтись без некоторой иронии.

Спасибо за доставленное удовольствие от прочтения романа.

Варвара ЧЕРКОВСКАЯ,
Беларусь

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ПОЭТОГРАДА

«Эта книга — дань любви ушедшим поэтам, дань любви их стихам...»

Евгений СТЕПАНОВ,
составитель книги

ПРИКОСНИТЕСЬ К ТАЛАНТАМ ЭПОХИ!

Книга «Они ушли. Они остались», выпущенная издательством «Вест-Консалтинг», — бестселлер крупнейших книжных и интернет-магазинов. Книга о легендарных личностях и талантливых поэтах. Книга, которая не оставит Вас равнодушным, ведь в ней переплелись рок, судьба и талант!

Заказывайте по издательским ценам
(без наценки магазинов) на сайте: www.litlavka.ru

СТАНЬТЕ СВИДЕТЕЛЯМИ ИХ ВОЗВРАЩЕНИЯ!

РЕКЛАМА

Реклама в газете «Поэтоград».

Качественно и недорого!

Мы ждем Ваших звонков по тел.: (495) 978-62-75

ЭКСКЛЮЗИВ ПОЭТОГРАДА

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА КАК СМЕРТЬ В «НЕЗНАКОМКЕ» БЛОКА

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906, Озерки

Распечатывая для чтения на одном из поэтических вечеров знаменитое стихотворение Блока «Незнакомка», я обратил внимание на одну интересную деталь, прежде мною не замеченную: в стихотворении есть «скрытый» период, анафора. «И каждый вечер…». Честно говоря, я всегда думал, что рассказывая нам о видении чуда, поэт говорит о нем как о единичном явлении. Поскольку чудесное не может повторяться! Иначе оно рискует лишиться своего ореола! У меня есть все основания предполагать, что «Незнакомка» Блока прочитана неверно. Какой только бред не писали исследователи об этом стихотворении!

«Незнакомка» имела небывалый успех. Людям казалось, что поэт рассказывает о своем зазеркалье, о том, что неподвластно воображению обычного человека, даже в состоянии сильного подпития. Но сам Блок позже объяснял свой шедевр иначе. В статье «О современном состоянии русского символизма» он пишет: «Незнакомка. Это не просто дама в черном платье со страусовыми перьями на шляпе. Это — дьявольский сплав из многих миров, преимущественно синего и лилового… Если бы я писал картину, я бы изобразил переживания этого момента так: в лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нем лежит мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз». Такое вот авторское развенчание черной магии романтизма.

Есть все основания предполагать, что Прекрасная Дама и Смерть в творчестве Блока — одно и то же лицо. Сам Блок, когда начинал писать свой цикл о прекрасной даме, возможно, еще этого не знал. Стихи Блока удивительны тем, что его мистические образы имеют глубоко реалистический подтекст. Хотя он и писал позже о том, что «изжил» символизм и связанное с ним декадентство, он выдавал желаемое за действительное. А, может быть, просто отпочковывался от своих бывших друзей, соратников и предшественников по этому литературному течению. В действительности, даже поздние «Двенадцать», на мой взгляд, представляют собой глубоко символистическое произведение. Просто, как говорят в Одессе, есть символизм и символизм. От одного он отпочковался, другому оставался верен до конца своих дней.

Мистика, на мой взгляд, заключена в самой судьбе поэта: Блок, один из самых красивых мужчин за всю историю русской поэзии, был не очень счастлив в любви. Но именно такая жена, как Люба, вкупе с жертвенным стоицизмом и фатализмом Блока, и могла сделать его великим русским поэтом. По этому поводу вспоминается история с Ксантиппой и Сократом. Будь Сократ счастлив с Ксантиппой, он не стал бы величайшим философом. Хотя сам Блок тоже был в этом смысле хорош. Не каждая дама вынесет то, что в ней любят не ее саму, а ее эманацию, некий навеянный ею отвлеченный образ идеальной женщины! Однако что-то мне подсказывает, что дело было не в Любе и вообще не в женщинах. Поэт, ищущий в жизни страдания, всегда их найдет. Потому как жизнь испещрена и напичкана этими самыми страданиями. Блок находил в страданиях квинтэссенцию жизни и почти бессознательно к ним стремился, с самого раннего возраста.

До меня не сразу дошло, почему рефрен «…и каждый вечер…» так меня потряс и озадачил. Когда «каждый вечер», не может быть «незнакомка». За много вечеров можно женщину разглядеть, и, если не познакомиться, то хотя бы наречь ее каким-нибудь прозвищем, чтобы не говорить «незнакомка». То есть на второй вечер это уже совсем не «незнакомка», а «та самая женщина, что приходила вчера». Тем более что герою даже удалось заглянуть ей за вуаль и что-то там увидеть… Но проблема в том, что блоковская Незнакомка — не совсем женщина, или, я бы даже уточнил, совсем не женщина. Как писал впоследствии сам поэт, «это — дьявольский сплав из многих миров, преимущественно синего и лилового». Блок был истинным символистом. Он создал «мерцающий» символ между жизнью и смертью, и не совсем понятно, где кончается одно и начинается другое. «В лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нем лежит мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз», писал сам поэт. «Папа, а смерть — она живая или мертвая?» — как-то спросила у меня маленькая дочь Полина. Говорят, что умирание человека, в метафорическом смысле, начинается прямо с его рождения. Я не знаю, что такое произошло с Александром Блоком, но по его стихам у меня складывается ощущение, что умирать он начал с 20–25 лет. Это какой-то утонченный садомазохизм, медленное, по капельке, самоубийство.

Для понимания подлинного облика Блока важно понимать, что он не развивался, подобно некоторым его младшим современникам, «от сложного — к простому» или, наоборот, «от простого — к сложному». Поэт явился в этот мир с уже готовым опытом и даже уставшим от жизни. Вот что пишет девятнадцатилетний Блок:

DOLOR ANTE LUCEM*

Каждый вечер, лишь только погаснет заря,
Я прощаюсь, желанием смерти горя,
И опять, на рассвете холодного дня,
Жизнь охватит меня и измучит меня!

3 декабря 1899

Жизнь, по большей части, не радует, а мучает поэта, и эта мысль проходит красной нитью сквозь многие стихотворения. Выяснить истинные причины этого душевного состояния великого поэта мне, будучи человеком совершенно иного склада ума, достаточно сложно. Возможно, поэт слишком заигрался с так называемым «тонким» миром. Возможно, Блок просто жил по принципу «чем хуже, тем лучше». Ведь это он однажды воскликнул устами своего героя: «радость — страданье одно!» О жизни Блока написано много псевдокритики. В советское время Блока-мистика как-то надо было выставить реалистом. Но и в новейшее время исследователи творчества Блока порой говорят такое, что уши вянут! Когда герой «Незнакомки» по дороге в ресторан встречает катающихся на лодках людей и брезгливо от них отворачивается, пишут, что таким образом поэт-романтик протестует против мещанского быта (!). Ничего себе мещанский быт! Да любая девушка романтично мечтают о дне, когда возлюбленный покатает ее на лодке! Надо еще не забывать, что Санкт-Петербург — один из красивейших городов мира. И надо очень постараться, чтобы питерские каналы, напоминающие Венецию, обозвать «канавами». Но все очень легко объясняется эффектом «дежа вю», каждый день преследовавшим поэта.

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

Эти строки он напишет спустя шесть лет. Но фактически они присутствуют уже в «Незнакомке»:

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.
…И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.
…И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

Вне всякого сомнения, поэта раздражает именно повторяемость мира. И, может быть, поэтому он и принял Октябрьскую революцию, и воспел ее: она была переменой и уходом от дежа вю. Он и смерть, наверное, кликал как новое, еще не изведанное путешествие!

То, что прекрасная дама Блока, незнакомка и смерть — одного поля ягоды, понимали еще наиболее проницательные из современников поэта. Так, например, «король» русских поэтов Игорь Северянин в своей эпиграмме на Блока написал: «Когда же смерть явила свой оскал, он сразу понял — Незнакомка». Не скрывал этого и сам поэт, несколько раз недвусмысленно отозвавшись о своем творении.

Писать о Блоке сложно еще и потому, что в нем в одном флаконе умещались мистик, реалист и символист, причет все это у него очень тесно переплетено в одно целое, в монолитную, нерасщепляемую глыбу. «Мистический реалист» — так можно сказать об Александре Блоке.

«Символист уже изначала теург, т. е. обладатель тайного знания, за которым стоит тайное действие; но на эту тайну, которая лишь впоследствии оказывается всемирной, он смотрит как на свою».

«…океан — мое сердце, все в нем равно волшебно: я не различаю жизни, сна и смерти, этого мира и иных миров (мгновенье, остановись!). Иначе говоря, я уже сделал собственную жизнь искусством». Александр Блок.

**Dolor ante lucem — Предрассветная тоска (лат.)*

Александр КАРПЕНКО

ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ
ЭЛЕГИИ

I

Кукушка о своем, а горлица — о друге,
А друга рядом нет —
Лишь звуки дикие, гортанны и упруги,
Из горла хрупкого летят за нами вслед
Над сельским кладбищем, над смутною рекою,
Небес избранники, гонимые грозой
К стрижам и жалобам, изведшим бирюзой,
Где образ твой отныне беспокою.

Нам имя вымолвить однажды не дано —
Подковой выгнуто и найдено подковой,
Оно с дремотой знается рисковой,
Колечком опускается на дно,
Стрекочет, чаемое, дудкой стрекозиной,
Исходит меланхолией бузинной,
Забыто намертво и ведомо вполне, —
И нет луны, чтоб до дому добраться,
И в сердце, что не смеет разорваться,
Темно вдвойне.

Кукушка о своем, а горлица — о милом, —
Изгибам птичьих горл с изгибами реки
Ужель не возвеличивать тоски,
Когда воспоминанье не по силам?
И времени мятежный водоем
Под небом неизбежным затихает —
Кукушке надоело о своем,
А горлица еще не умолкает.

II

Ореховой листвой и розой запоздалой,
Лиловою Зимой и веером ночным
Дерев, раскинутых на счастие иным,
Сошедшим над равниною усталой
Ко влаге долгой, льющейся внизу,
Избавившей от смутного забвенья,
Пока судеб изведывали звенья,
Как заповеди молнии в грозу,
Мы приняты — и осень хороша —
Летит себе по свету, засыпая,
Покуда иней, к горлу подступая,
Напомнит, что безрадостна душа
Без милого врачующего взора, —
Коль скоро нам дождаться суждено
Свиданья, предрешенного давно,
Мы грустную оправдываем пору.

Во храме нежности мы снова влюблены —
Цветы белеющим обласканы покровом
Сиянья дивного, предсказанного Словом,
И нет на мне ни власти, ни вины, —
Еще я голову подъемлю пред закатом,
И кровли яблочным сбегаются каскадом,
И кроны празднично приподняты дерев
Над увяданием, свирель свою забывшим
И возвышается моленьем исцелившим
Неподражаемый во благости напев, —
И память древняя, листаемая книга,
Поможет радости желаемого мига
Явиться загодя четою голубей
Из этих сумерек, неровных и крылатых,
Примером одиночества пернатых
На родине измученной моей.

III

Неясен облик твой — и дымчата печаль
В начале выбора — как ветер выбирает
Лишь те из крон, которые не жаль
Развеять по лесу, — а прочие сгорают —
Не чаяли остаться на корню,
Стволами сдержаны, — и вот оно, горенье, —
И грустного обряда не виню —
Звучит и в нем свое благодаренье.

Орлом, подстреленным под темною
звездой,
Слетает вечер — нет, он упадает! —
И поле, смутною темнея бороздой,
Смущенье пустоши так ясно понимает,
И птицы-странницы в заоблачье кричат,
Для сердца столько знача,
Где край покинутый как будто бы объят
Прохладой осеняющего плача.

Где сельский колокол, молчун и говорун,
И встрепенется, и забьется —
И звезд видение, сошедшее со струн,
По мановенью Ангела зажжется,
Ты жив, так пристально внимая на земле
И стону зелени, и рощице безлистой,
И дому этому, забытому во мгле,
Во глуби памяти пречистой.

Не ведаю — фонарь ли веки жжет —
Дожди гуртами по миру кочуют,
Моря гремят, и ласточки врачуют
Последний журавлиный перелет, —
А осень издавна в смятении теней
Играет судьбами, как листьями
шальными,
Покуда все же спрашивают имя,
Сдружившееся, кажется, и с ней.

IV

Былою осенью — наследством хризантем —
Сей дом наполнен в памяти послушной,
И сад живет устойчивей затем,
Что вид утерян благодушный, —
И, взглядом следуя от веток-растерях,
В подолах листья пламени даривших,
До льдов, — двойной испытываешь страх
За вовремя отговоривших,
В тумане канувших на лодке, где весло —
Волшебный жезл участия в движенье, —
И если бы случайно повезло,
Каким бы стало постиженье?

Цветы не надобны сегодня февралю —
Капель вызванивает жалобно и хрупко,
И если я богов не прогневлю,
Какой окажешься, голубка?
Не той ли горлицей, что нынче в деревах
Стонала, горло надрывая,
Чтоб сердце вздрогнуло в разрозненных снегах,
Забилось, горе прозревая?
Иль той, летающей над пропастями дней,
Питомицею стаи
Едва покажешься, что виделась ясней
Пора святая?

Не знаю, милая, — мне некого спросить —
Ночные сетованья кротки —
От счастия, пожалуй, не вкусить —
И нет ни лодки,
Ни льющейся по-прежнему воды,
Текучей, изначальной, —
И где оно, присутствие беды,
В игре печальной?
Там осень без участья в ворожбе
Ушла невольно —
И некому напомнить о себе,
И слишком больно.

V

Сверчков я слушаю призывные мольбы —
Подземной музыки владыки,
Они к своей стремятся Эвридике,
Невидимой в неведеньи судьбы,
Еще веков не ставшей достояньем, —
И где-то спрятаны, и рядом, в тишине,
Из недр, доступных лишь воспоминаньям,
Изматывают сердце мне.

Сверчок невидимый с кифарою наивной!
Дождешься ли мелодии взаимной,
Где понимания горячая ладонь
Слова элегии поднимет над ветвями,
В недвижном зареве взойдет над островами
Из сфер сознания, — но ты его не тронь,
Еще не задевай — оно в изнеможенье, —
Желаю нежности — и так напряжены
Стволы послушные поющей тишины,
И строк рожденье — как самосожженье.

Желаю нежности — что сталось бы со мной,
Когда б не обладал я этим вдохновеньем,
В плену светил, склоненных к откровеньям,
В минуты верности земной?
Смотри же ты, привычный к чудесам,
На скромные союзы летом поздним —
Предчувствием снедаемые грозным,
Они моления возносят к небесам.

Никто не ведает, где счастье мы найдем, —
Над звездным пологом есть новая дорога —
И с благодарностию зрим, как входят в дом
Элегия, идиллия, эклога.

VI

Дыханьем родины мне степь моя верна —
Милее лепета и заповеди строже,
Она дарована, смиренье растревожа,
И нежит жалостью, где дверь отворена,
Погудкой вспархивает, шороху родня,
Звенит над запахами, длительнее эха, —
И в будущем ты Ангел и утеха,
Но прожитое ближе для меня.

Мелодии священные ключи
Найдем ли мы к окрестности звучащей? —
И в этой беззащитности щемящей
Не высветлить пред вечером свечи.

Не выстоять пред облаком реке —
И кровью, пробегающей по жилам,
В печали по курганам да могилам
Она воспламенится вдалеке.

Где столько навидался на веку,
Все чаще око тянется к пернатым,
Привязанным к отеческим пенатам,
И хатам с огоньками к огоньку.

А степи не гадают по руке —
И мгла полынная со временем роднится,
Распахивая нотные страницы,
И смотрит маревом — и, вся накоротке,
Слетает заговором в музыке старинной,
Почти что тайною, где явь твоя — извне,
И в жизни, брошенной былинкой в стороне,
Во притче памяти былинной.

И негде выговорить: милая! — с луною
Ужель найдем прибежище меж нив,
Чтоб, головы повинные склонив,
Нездешней надышаться тишиною,
Иной совсем? — на то она и есть,
Чтоб выговору вечности остаться
И слову прозорливому раздаться —
В нем боль и честь.

И травы горькие мне кажутся добрей,
И странник их, как веру, обретает —
И мнится: нет уже ни снега, ни дождей —
А птицы певчие совсем не улетают.

VII

Чуть ближе к полночи, меж окон и цветов,
Сквозь пепел дней, как факел, полыхнувший,
К земле неистовой и начерно уснувшей
Я наклониться, кажется, готов —
Пусть в детских оживает голосах,
Звеня загадками и легкими мячами,
То бремя гордости, что было за плечами,
А днесь смиреньем дышит на часах.

Есть в дольней кротости лугов и деревень
Такая нота, взятая открыто,
В музыке зарева и ропоте ракиты,
Честна ранимостью, как звездчатая сень,
Еще раскинутая там, над головой,
Где норовит боднуть Телец лобастый,
Но есть Пастух, как гость высок нечастный,
И голосист, и вроде сам не свой.

И есть еще в наивности цветка
Такая скованность, которой нет предела —
Зане земля за ним недоглядела,
И вот он вырваться решился в облака —
И, оказавшись в памятных руках
Птенцом растерянным в фонарной карусели,
Он жизнь свою тогда продлит отселе,
Когда растает искрой в угольках.

Цела ли ты, кормилица-весна,
Вся в бубенцах, танцовщица и фея?
Затем и говорю еще смелее,
Что мне-то, грешному, и ночью не до сна, —
Затем и к утреннему щебету готов,
Чтоб слушать истово с закрытыми устами,
Порой склонясь над белыми листами
В надменной бедности и роскоши трудов.

VIII

Мне моря грезятся незримые круги —
Его присутствие, казалось бы, не внове
Задерживает нас на полуслове —
А там поистине хоть взапуски беги
С роскошным бризом, спутником вальяжным,
Иль голову склоняй к волнам отважным,
Когда над гребнями подъемлет Вещий Дух
Лишь очеса — и столько в них смиренья,
Что сердцем постигается прозренье —
И миг летит, как тополиный пух.

Цельнее жалобы на этих берегах —
Они как раковины — вслушайся в шептанье —
В нем птичьих стай увидишь начертанье
И очерк времени, как древо в двух шагах, —
Царевна полночи, так ясно приближаясь,
Нам улыбается, — и, вновь преображаясь,
Ты задыхаешься в движении щедрот
К душе восторженной — и с белыми устами
Сказать не сможешь ей, что небо над листами
Трепещет в памяти твоей который год!

Есть Книга Кротости — прочти ее тогда,
Когда и рук своих почти не доискаться
В часы бессонные, где станешь возвышаться,
Подобно тополю, — и встанут навсегда
Грядою милою и нежною защитой
Холмы долины, лозами увитой,
Как ожерельями — запястья добрых фей, —
И море синее в оправе изумрудной
Вновь увлечет тебя в оправданности чудной
Туда, где Афродиту пел Орфей.

IX

Не знаю, сможешь ли, вечерняя пора,
Уйти безропотней, чем прежде приходила,
Покуда музыка смирения добра,
Но слишком помнит, что со мною было, —
Не знаю, станешь ли — решишься ли, верней,
Быть только памятью — но все-таки достойной
И дома этого — пристанища теней,
И света этого — жильца зари спокойной.

Так осень поздняя в раздумии стоит
Подругою у изголовья,
Еще не высказав желаемых обид,
Уже пресыщена любовью,
Еще грядущего не чует, не клянет,
Уже терзаема прощаньем.
И никогда, пожалуй, не поймет —
Так что же было обещаньем?

Не долговечнее ль незримая черта,
Разъединяющая годы наши,
Меж тем, как соками растений пустота
Наполнит жертвенные чаши,
Меж тем, как холодом терновым обобьет
Чела высокое мученье —
Но струны певческие все же не сорвет
Затем, что близится прощенье.

Так разрываемая возгласами грудь
Изнемогает от молчанья —
И ты, ушедшая, в душе моей побудь
Единственной заложницей страданья,
И ты, шагнувшая в безлиственную дрожь,
Сама не ведая, дарившая так много,
Возникнешь новою — и все ж не перейдешь
Обетованного порога.

X

Куда уходишь ты, созвездие мое?
Останься друзою заветных аметистов,
Чтоб века не терзало острие
Их грозной цельности, — а свет и так неистов, —
Отяготившею горячую ладонь
Останься верностью, — кто с Музами
не дружен,
Тот не постиг скорбящий твой огонь —
Язык его лишь верящему нужен.

Кому же доведется рассказать
И то, как горлица стенает, понимая,
Что узел памяти не в силах развязать,
И то, как смотрят, рук не разнимая,
В любви единственной, неведомо зачем
Нахлынувшей сквозь отсветы и звуки
И въяве осязаемой затем,
Чтоб осознать явленье новой муки?

Души не выпустишь синицей в небеса,
А сердце, словно яблоко, уронишь
На эти пажити, где ветер поднялся,
И землю милую ты сам губами тронешь, —
И там, где, замкнута закатною чертой,
Забрезжит странница-страница,
Возникнет мир, нежданно золотой,
И в нем-то святости познается граница.

Пусть поднимается и холода бокал,
Напитком полон Зодиака,
В горсти сознания, — не ты ль его искал?
Не ты ли веровал, однако,
Что, отделяемо, как лето, от людей,
Молве людской обязано значеньем,
Оно непрошено, — возьми его, владей, —
Да совладаешь ли хотя бы с ощущеньем!

Окончание на 6 стр.

ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ
ЭЛЕГИИ (ОКОНЧАНИЕ)

Окончание. Начало на 5 стр.

Недаром в музыке вы, звезды, мне близки —
Как не наслушаться и всласть не наглядеться! —
И расширяются хрустальные зрачки,
В тоске открытые, чтоб радостью согреться, —
Недаром Ангелом, склонившимся ко мне,
Утешен я, чтоб жизнь сулила снова
Вся боль моя, возросшая вдвойне,
Но ставшая хранительницей Слова.

XI

Февральской музыке, стремящейся понять,
Что в мире для нее невозвратимо,
Где рук не тронуть ей и боли не унять,
Покуда сердце слишком ощутимо
В томящей близости примеров бытия
С из изъяснением, предвестником
прощенья,
Февральской музыке — элегия сия,
Хранящая приметы обращенья.

Свистулькой тайною осваивая звук,
Свирель подняв сосулькой ледяною,
Чтоб некий смысл, повиснув, как паук,
Встречал завороженных тишиною,
Приходит музыка, немая, как и мы, —
Но вот измаяло предчувствие напева —
И, странно возникая средь зимы,
Растет она предвестницею древа.

Бывало ль что-нибудь чудесней и добрей?
Знавал ли кто-нибудь вернее наважденье,
Когда, оторвана от звездных букварей,
Она нутром постигнет восхожденье —
И, вся раскинута, как яблоня в цвету,
Уже беременна беспамятным итогом,
Зарницей встрепенувшись на лету,
Поведает о месяце двурогом?

Недаром горлица давно к себе звала,
Недаром ласточка гнездо свое лепила —
И птиц отвергнутых горячие тела
Пора бездомиц в песне укрепила, —
И щебетом насыщенный туман
С весной неумолкающею дружен, —
И даже прорастание семян
Подобно зарождению жемчужин.

Мне только слушать бы, глаза полузакрыв,
Как навеваемым появится фрегатом
Весь воедино собранный порыв,
Дыша многообразием крылатым, —
Еще увидеть бы да в слове уберечь
Весь этот паводок с горящими огнями,
Сулящими такую бездну встреч,
Что небо раздвигается над нами.

XII

С хрустальным откликом небесных голосов
Из недр заоблачных — иль нет,
из отдаленья! —
Как будто бы в минуту просветленья,
Шепчу, не жалуясь, — о, мне не надо слов!

Снежинка ласковая тает на виске,
И миг удачи — самовозгоранья, —
Предсказывая каждое желанье,
Весь задыхается, не выверен в тоске,
Не брошен камешком в рыдание валов,
Где ропот памяти то глуше, то светлее, —
И я, истерзанный, о прошлом не жалею —
В нем гул застыл немых колоколов.

Да будет так: всегдашняя звезда
Твой дом согреет, сердце растревожит,
Покуда мысль дремотная не сможет,
Окрепнув, стать живою навсегда, —
Очей торжественных не вправе я сыскать
Ни глубже, ни ясней, ни горячее, —
Гнезда супружеского тяжесть не горчее
Мучений собственных, а далее —
как знать! —
Как знать, где отзовется наяву
Венчающее заповеди диво
В предчувствии грядущего порыва? —
Я дольних слез и пеней не зову,
Я только гость, пришелец, — я влачу
Крыла разорванные, душу я затрону, —
Да будет глас мой днесь подобен стону,
Зане стенанья певчим по плечу, —
Я только Ангела прошу, чтоб над тобой
Склонился, принеся благословенье, —
Тебе, уставшая, и вечность не забвенье,
Тебе, воскресшая, голубкой над толпой
Спасенная, утешенная там,
Где есть свидетельства и веры, и величья.

И Музы отрешенное обличье
Возникнет, равнозначное крестам.

XIII

Давнишний друг! В душе моей — февраль,
И в сердце днесь растаяли метели,
Зане давно утешиться хотели
Теплом людским, где гнезда вьет печаль,
Как птица, — ей скитаться тяжело,
Но с верою дышать намного легче, —
И, ощутив предвосхищенье речи,
Она подъемлет сильное крыло.

Есть в жизни нашей странная пора,
Когда стоишь, сощурясь, в отдаленье —
И вновь тебя терзают впечатленья,
А боль пришла — что делать! — не вчера, —
Тогда уста белеют на ветру,
Ладонями размахивают ветки, —
Вот так же процарапывали предки
Посланьями наивными кору,
Чтоб эти отыскали письмена,
Оставленные кем-то на бересте,
В кругу бессонниц, в ледяном наросте,
Где судорожна ночи тишина.

Знать, страсть на то нам, смертным,
и дана,
Чтоб горечь счастья к зрелости испили,
Затем, чтоб въявь единственными были
Любимых наших дальних имена, —
На то нам горе суждено познать,
Чтоб в нем любовь бессмертная окрепла,
В плену снегов, как Феникс, встав из пепла,
Чтоб звать к себе и мучить нас опять.

К тебе пишу, — не столь ты одинок,
Как может показаться поначалу, —
Надежда, друг, мечты, твои венчала,
В печи хранила малый уголек —
И пламя золотое разожгла,
И руки бесприютные согрела, —
Тебе она отшельничать велела
И к свету не напрасно привела.

Так — колокол бывает позабыт
В глуши степей, в молчании, на время, —
Он часа ждет, — и глас его — со всеми,
Кому он дорог средь мирских обид, —
Не нам ли зазвучит его набат,
Все мужество его долготерпенья,
Юдоли разрушая средостенья
И в небе возрастая во сто крат?

О нет, куда бы нас ни занесло,
Бродяг по крови, певчих по призванью,
Доверимся, мой друг, воспоминанью!
Как никому, нам в жизни повезло —
И как никто, сумели мы постичь
Уроки неизбежные пространства
И защитить заветы постоянства,
Как никогда, судьбы услышать клич!

А звезды безмятежные горят,
И музыкой, и тайной беспокоя, —
И сердце вдруг сжимается мужское —
И ты стоишь — и прозреваешь, брат.

XIV

Когда бы в сумерках не таяли следы
В глуши ниспосланной, в садах необозримых,
Где тени легкие покинутых любимых,
Как птицы странные, проходят у воды,
Тела бескрылые движенью подарив,
Струенье вечности почти не различая,
Но час беспечности привычно привечая, —
Плачеи скромные, приятельницы ив, —
И звуки влажные гремячий тайный ключ
Не прятал в памяти, пристанище познаний, —
Я знал бы, где в плену воспоминаний
Зари завещанной искать прощальный луч.

Хотя бы выбраться туда, где чуть светлей,
Где сразу проще мне, где берег милый круче,
Цветы неистовы и чаяния жгучи,
Где жар подспудный стынущих полей,
Укрытый мятою, пропитанный полынью,
Усыпан звездами — негаданный венец, —
Руки опущенной коснется наконец,
Смущая негою, обрадовав теплынью,
Хотя бы выбраться скорее мне туда —
До взгляда прежнего, до вздоха облегченья,
Где плоть наития влачилась по теченью
И в кровь вошла — как видно, навсегда.

Где зов услышать мне, чтоб душу всю
пронзил?
Увы видению! — я знаю слишком мало,
А то нездешнее, что встарь со мной бывало,
Полночный ветер чудом не сразил, —
Никто уже не в силах мне сказать,
Где тропку верную почувствую стопами —
С кострами дымными, с хрустальными столпами
Излишек времени в котомку мне не взять, —
Ужели я глазами обнищал —
И впору с наваждением смириться? —
Но струны трогает перстов десятерица,
И я пою — пою, как обещал.

XV

Сгустилось в небесах начало темноты —
И вечер ночи место уступает,
И чуют одиночество цветы, —
Поверь: так именно бывает,
Так именно увидеть суждено
И этот сад, где сердце в песне бьется,
И дом растерянный, где светлое вино
В кувшин безвременья из чаши льется, льется —
В нем, страшном, и намека нет на дно, —
Куда-то в бездну увяданья
Струится грусть, — зажженное окно
У слова ищет оправданья.

Так музыка дыхания чиста!
Душа доверчива — то чайкой встрепенется,
Кружа у берега, как шалая мечта,
А то, как горлица, всем телом обернется
Туда, где свет увидит золотой,
Где звуки собраны рукой твоей, как розы,
Где за невидимой раскаянья чертой
Пылают осени злосчастные угрозы,
В кострах горят, как ветви, как стволы,
И прегрешенья, и обиды —
И Рок встает в предвестии хулы,
Но под защитою наперсницы-Ириды.

Скажи мне имя, добрый человек!
Не ты ль меня так долго дожидался,
Чтоб этот мир — воссозданный ковчег —
Без нас двоих по водам не скитался?
Не я ль открыл тебе священную звезду
Судьбы твоей и возвышенья
Вот здесь, где ночь стоит в моем саду,
Уже принявшая решенье
Звучать без устали, чтоб место уступить
Блаженному рассветному сиянью?
И слез неистовых, чтоб радость окропить,
Не хватит, видимо, людскому пониманью.

XVI

Тебе, далекий друг, — элегия сия, —
Да будешь счастлив ты на свете этом странном!
Давно к тебе прислушивался я —
В минуты горести, к мечтам спеша обманным,
На зная удержу, томленьем обуян,
Медвяным омутом заката не утешен, —
И если путь мой смутен был и грешен,
Движенья познал я океан,
Медлительную поступь естества,
В огне сощурясь, все же разгадал я —
И столько раз в отчаянье рыдал я,
Покуда горние являлись мне слова!

Ты помнишь прошлое? — трепещущий платок,
Что там, за стогнами, белеет, —
В нем женский в лепете мелькает локоток
Да уголек залетный тлеет,
В нем только стойкие темнеют дерева,
Подобны Бахову неистовому вздоху, —
Прощай, прощай, ушедшая эпоха! —
Но все еще ты, кажется, жива, —
Но все еще ты, кажется, больна,
Дыша так хрипло и протяжно, —
С тобою все же были мы отважны —
И губы милые прошепчут имена.

Есть знаки доблести: сирень перед грозой,
Глаза, что вровень с зеркалами
Блеснут несносной, каверзной слезой,
В костре бушующее пламя,
Листва опавшая, струенье древних вод,
В степи забытая криница, —
Душа-скиталица, взволнованная птица,
Скорбит о радости — который век иль год?
Есть знаки мудрости: биение сердец,
Что нас, разрозненных, средь бурь соединяет,
И свет оправданный, что окна заполняет,
И то, что в музыке таится, наконец.

Что было там, за некоей чертой,
За горизонтом расставанья?
Мгновенья близости иль вечности святой,
Предначертанья, упованья?
Предназначение, предчувствие, простор,
Высоких помыслов и славы ожиданье? —
С мученьем неизбежное свиданье
Да дней изведанных разноголосый хор, —
Что было там? — я руку протяну —
Еще на ощупь, тела не жалея, —
И вот встают акации, белея,
Сулящие блаженную весну.

Так выйди к нам, желанная краса, —
Тебя мы ожидали не напрасно!
В моленье строгие разъяты небеса,

Существование прекрасно!
Юдольный обморок, прозрения залог,
Прошел, сокрылся, в бедах растворился, —
И пусть урок жестокий не забылся —
Но с нами опыт наш земной и с нами Бог!
Давай-ка встретимся — покуда мы живем,
Покуда тонкие судеб не рвутся нити,
Покуда солнце ясное в зените
Из тьмы обид без устали зовем.

Не рассуждай! — поет еще любовь,
Хребтом я чувствую пространства измененья,
Широким деревом шумит в сознанье кровь —
К садам заоблачным и к звездам тяготенье,
Луна-волшебница все так же для меня
Росы раскидывает влажные алмазы
По берегам, где все понятно сразу,
В ночи туманной ли, в чертоге ль славном
дня, —
А там, за осенью, где свечи ты зажжешь,
Чтоб разглядеть лицо мое при встрече,
Как луч провидческий, восстану я из речи,
Которой ты, мой друг, так долго ждешь.

XVII

Семь лет немыслимых — куда они ушли?
Семь свеч таинственных во мраке догорели, —
Но — слышишь? — музыка рождается вдали
О тех, кто живы и кого отпели.

Так лунный свет пронизывает нас,
Так луч вечерний в душу проникает,
Так люди дышат в свой последний час,
В свой первый час — пред будущим вздыхают.

И нет сомнения, и на сердце легко —
Хоть все же канет в звездную пучину,
Туда, где боль, туда, где глубоко,
Туда, где жизнь — Любви первопричина.

Я помню многое — и слов не надо мне,
Чтоб передать доверие мгновенья, —
Ты Саламандрой чудишься в огне,
В порыве нежности, во власти дерзновенья.

Я помню многое — и ты не говори,
Но лучше вслушайся в мелодию разлуки —
Ее одну сейчас благодари
За встречи прошлые, за счастье и за муки.

Взгляни в окно, в июньский гул ночной,
С Надеждой, Верою, и мужеством, и грустью, —
Туда, где волны музыки земной
Рекою памяти уже подходят к устью.

XVIII

Столь много кануло в немую бездну лет,
Столь много дней в пучине запропало,
Что их ищу — на ощупь, как попало,
Зову — вотще! — в ответ и эха нет.

Столь много минуло и радостей, и слез!
В воде тускнеющей бесследно
растворилось
Все то, что встарь так страстно говорилось,
А сущность слов холодный вихрь унес.

Так в час полуночи ни вспомнить, ни связать
Незримо продлевающихся нитей,
Не удержать в руках узлов событий,
С собой в неведомое милый взгляд не взять.

С такою ношею, как путник на юру,
Стою и вслушиваюсь, странно цепенея, —
И знаю, что вернуться не сумею,
Речей своих былых не разберу.

И свет мерцающий один меня согреть
Способен в сумраке бывалом, —
Уже утешиться готов я самым малым,
В окно безмолвное, сощурившись,
смотреть.

А там бездонная томится тишина
По оживлению и гулу, —
И если сердце в мире не уснуло,
То рядом с ним лишь боль одна.

РЕКЛАМА

Союз писателей XXI века

Союз писателей XXI века — новая современная писательская организация, идущая в ногу со временем и отвечающая потребностям творческих людей

СТАНЬ ПИСАТЕЛЕМ своего ВЕКА!

Союз писателей XXI века создан в феврале 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века – поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Вице-президент – поэт и культуролог Арсен Аркадьевич Мелитонян.

Председатель ревизионной комиссии – Игорь Александрович Харичев.

Союз писателей XXI века – общественная организация, призванная объединить современных писателей из разных стран, наладить переводческие контакты, содействовать членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Знание-сила. Фантастика», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», создает передачи для телеканала «Диалог», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Союз писателей XXI века – некоммерческая организация, которая существует за счет пожертвований и членских взносов.

ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ (F.A.Q)

КАК ВСТУПИТЬ?

Для того, чтобы вступить в Союз писателей XXI века, нужно направить заявление в Президиум, образцы творчества, заполнить анкету (см. сайт www.writer21.ru).

В течение одного месяца Вам будет дан ответ.

КАКОВ ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ВЗНОС?

Вступительный взнос составляет 5 тысяч рублей (для граждан РФ) и 200 евро (для резидентов зарубежных стран). Ежегодный взнос составляет 1000 рублей (для граждан РФ) и 50 евро (для резидентов зарубежных стран).

Для жителей СНГ вступительный взнос – 150 евро, ежегодный – 50 евро.

Для пенсионеров любой страны вступительный взнос – 2000 рублей, годовой – 1000.

Вступительные взносы будут потрачены на создание каждому члену Союза писателей XXI века персональной WEB-страницы.

КАКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА?

Члены Союза писателей XXI века имеют право публиковаться в изданиях Союза (не реже двух раз в год).

Членам Союза писателей предоставляется в порядке общей очереди возможность по льготной цене воспользоваться домом творчества писателей в Подмосковье «Stepanoff-haus» и квартирами «Stepanoff-haus» в Берлине и ближнем Подмосковье.

ЭЛ. АДРЕС ПРЕЗИДИУМА: GLAZOV_A.A@MAIL.RU

ПРЕЗИДЕНТ

Степанов Евгений Викторович – президент Союза писателей XXI века, член Президиума МГО СП России и Правления Союза литераторов России.

Также входит в Союз писателей Москвы и Пен-Клуб. Генеральный директор Холдинговой компании «Вест-Консалтинг».

Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института в 1986 году по специальности «французский и немецкий языки», Университет христианского образования в Женеве в 1992 году, экономический факультет Чувашского государственного университета в 2004 году по специальности «финансы и кредит» и аспирантуру факультета журналистики МГУ в 2004 году. Кандидат филологических наук. Поэт, прозаик, литературный критик, издатель, культуролог, экономист. Читал лекции в университетах России, США, Швейцарии, Финляндии, Румынии и многих других стран.

Издатель-главный редактор журналов «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер» (Санкт-Петербург), газет «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), Интернет-издания «Персона ПЛЮС» и других СМИ. Соиздатель и заместитель главного редактора журналов «Крещатик» и «Знание-сила. Фантастика».

Почетный гражданин штата Кентукки (США). Лауреат Отметины имени Отца русского футуризма Д. Д. Бурлюка, международного фестиваля FEED BACK (Румыния), фестиваля имени В. Хлебникова ЛАДОМИР (Казань). Фонд имени В. П. Астафьева (Красноярск) признал Евгения Степанова в 2008 году в числе 11 лучших писателей России. Работал в газетах «Семья», «Совершенно секретно», «Ступени», «Век», «Крестьянская Россия», журналах «Огонек», «Мы», «Столица», «Трезвость и культура» и других.

Как поэт, прозаик, критик, мемуарист, интервьюер печатался в журналах, альманахах и газетах: «Дети Ра», «Крещатик», «Знамя», «Дружба народов», «Арион», «День поэзии», «Поэзия», «День и Ночь» (Красноярск), «Вопросы литературы», «Литературная учеба», «Юность», «Слово», «Новый берег», «Журнал ПОэтов», «Членский журнал» (Нью-Йорк), «Столица», «Крещатик», «Российский колокол», «АКТ» (Санкт-Петербург), «Черновик» (Нью-Йорк), «Литературная газета», «Труд», «Литературные известия», «Поэтоград», «Литературная Россия», «Ex libris НГ», «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Собеседник», «Совершенно секретно», «Семья», «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Московский комсомолец» и во многих других. Автор 10 книг стихов, прозы, вышедших в России и за рубежом, а также культурологических монографий «Плакаты Госстраха как социокультурное явление» (М., 2003), «Карманные календари Госстраха» (М., 2004), «Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция» (М., 2006). Переведен на английский, французский, немецкий, румынский, болгарский языки.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации некоммерческой организации

Региональная общественная организация
"Союз писателей XXI века"

109390 г. Москва, ул. Люблинская, д. 47, пом. VII, ком. 1

Решение о государственной регистрации некоммерческой организации при создании принято "24" января 2011 г. Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве.

Запись о некоммерческой организации внесена в Единый государственный реестр юридических лиц "08" февраля 2011 г. за основным государственным регистрационным номером:

1 1 1 7 7 9 9 0 0 2 3 0 9

Начальник Главного управления
Министерства юстиции
Российской Федерации по Москве — В.В.Демидов

Учетный N 7 7 1 2 0 1 0 5 8 7

Дата выдачи "14" февраля 2011 г.

ТЕЛ. ДЛЯ СПРАВОК: (495) 978-62-75

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

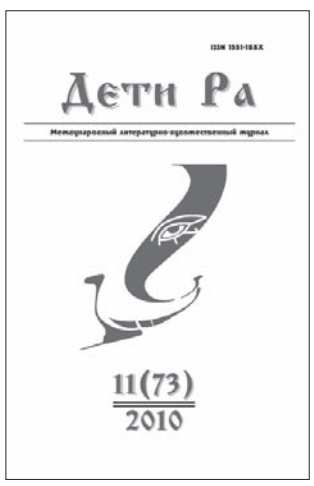
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http://poetograd1.livejournal.com,
http://www.facebook.com/poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Евгений Степанов
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Василий Манулов
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд